
А. П. АЛЕКСЕЕВ

ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ: ВОПРОС ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Автор исследует проблему интеллектуального суверенитета общества, находящегося в условиях глобальной информационной войны. В рамках междисциплинарного подхода рассматривается феномен данного противоборства, сопоставляются трактовки информационной войны, представленные в современной литературе. Предлагается собственная характеристика информационной войны как формы противостояния сложных систем. В данном контексте сформулирована проблема качественных свойств, необходимых системе, существенно уступающей противоборствующей стороне по стандартному набору параметров. Подчеркивается значимость системного интеллекта и интеллектуального суверенитета общества. В качестве угрозы интеллектуальному суверенитету российского общества рассматривается реализация установок Всемирного банка в реформировании сферы образования и науки.

Ключевые слова: общество, информационная война, информационное противоборство, сложная система, интеллектуальный суверенитет, образование, наука, Всемирный банк, Россия.

The author of the paper explores the problem of intellectual sovereignty of society in the context of global information warfare. The phenomenon of information warfare is considered within an interdisciplinary approach. The author analyzes conceptions of information warfare presented in contemporary discussions. He presents his own assessment of information war as a form of confrontation between complex systems. A special attention is paid to the characteristics of the system that has lesser standard parameters than the confronting one. The author emphasizes the importance of systemic intelligence and intellectual sovereignty of society. The implementation of the World Bank recommendations on reformation of the field of education and science is considered as a threat to the intellectual sovereignty of the Russian society.

Keywords: society, information warfare, information confrontation, complex system, intellectual sovereignty, education, science, World Bank, Russia.

Философия и общество, № 2 2017 18–27

В последние годы выражение «информационная война» становится все более привычным. Оно встречается в повседневных сетованиях на то, что из-за информационной войны трудно получить адекватное представление о том или ином значимом событии. Средства массовой информации не только говорят и пишут об информационной войне, но и становятся полями ее сражений. Информационные битвы разворачиваются в социальных сетях и других сегментах Интернета. Закономерно, что феномен информационного противоборства является объектом растущего профессионального интереса ученых из разных областей знания, в том числе и философов [Алексеев, Алексеева 2016]. Следует подчеркнуть, что многие из проблем, связанных с информационной войной, имеют междисциплинарный характер. Философские составляющие здесь трудно отделить от политологических, психологических, филологических и относящихся к другим областям знания.

Само выражение «война» применительно к информационным войнам употребляется в переносном смысле. Ведь в данном случае речь идет не о применении оружия, причиняющего непосредственный физический вред человеку. Речь идет «всего лишь» об использовании информации и информационных технологий. Однако последствия информационной войны могут быть таковы, что позволяют без существенных преувеличений характеризовать этот вид противоборства как бескровный, но смертельный.

Информационные (прежде всего информационно-психологические) войны [Почепцов 2000] ведут между собой коммерческие организации, конкурирующие за рынок, политические силы в ходе избирательных кампаний и просто более или менее устойчивые группы людей, придерживающихся противоположных мнений по каким-либо вопросам социально-политического или морального свойства.

Однако события последних лет сделали особенно актуальной проблематику межгосударственных информационных войн и связанных с нею «гражданских» информационных противоборств внутри одного государства. Сегодняшнее положение дел резко контрастирует с тем, что существовало в начале XXI в., когда лидерами разных государств подписывались совместные заявления о решимости использовать информационные технологии для стро-

ительства глобального информационного общества, мирного и процветающего. Уместно вспомнить в связи с этим Окинавскую хартию глобального информационного общества, подписанную в 2000 г. лидерами стран «Большой восьмерки», в числе которых был и нынешний президент Российской Федерации. Данная декларация (как и другие подобные ей заявления) провозглашала решимость обеспечить использование информационных технологий для взаимосвязанных целей устойчивого экономического роста, повышения благосостояния людей и социальной сплоченности, укрепления демократии, международного мира и стабильности [Окинавская... 2000].

В развернувшейся глобальной информационной войне на первый план выступают межгосударственные противоборства. Данное обстоятельство не может не оказывать влияние на изучение феномена информационной войны как такового. С современных позиций все «горячие» войны начиная с древних времен можно рассматривать как имеющие информационную составляющую. Они были бы немыслимы без информационных средств воздействия и информационного обеспечения решений. Однако примитивные информационные технологии древности несопоставимы с современными сложными информационно-технологическими системами, сформировавшимися благодаря интенсивному развитию электронно-вычислительной техники, конвергировавшей с техникой средств связи. Информационная война, независимо от того, является она частью «горячей» войны или ведется в отсутствие таковой, разворачивается в глобальном информационном пространстве, охватывающем жизненно важные для современных людей ресурсы, системы и процессы.

На опыте первой войны США и союзников против Ирака («Войны в Заливе») основана работа Мартина Либицки «Что такое информационная война?», изданная Университетом национальной обороны США в 1996 году. Либицки утверждает (и с этим можно согласиться): когда специалисты из разных областей пытаются определить, что такое информационная война, это напоминает известную притчу о слепых людях, которые хотели понять, что такое слон, ощупывая это животное. В результате тот, кто трогал ногу слона, утверждал, что слон – это дерево, а трогавший хвост гово-

рил, что слон – это веревка. И сегодня у специалистов нет единого взгляда на формы и виды информационной войны.

Сам М. Либицки перечисляет семь форм информационной войны. Это действия, направленные на обезглавливание вооруженных сил противника путем уничтожения командных структур или разрушения коммуникаций, обеспечивающих связь командования с войсками (Command-and-Control Warfare), использование аппаратуры с искусственным интеллектом для сбора и анализа разведанных (Intelligence-Based Warfare), радиоэлектронная борьба с использованием криптографических технологий (Electronic Warfare), психологическая война (Psychological Warfare), хакерская война (Hacker Warfare), экономическая информационная война (Economic Information Warfare), а также кибервойна (Cyberwarfare) [Libicki 1996]. Приведенную типологию справедливо критикуют другие авторы, например Александр Бедрицкий в книге «Информационная война: концепции и их реализация в США» [Бедрицкий 2008]. Между тем недостатки данной типологии обусловлены не столько недочетами автора, сколько сложным характером современного информационного пространства, где порой невозможно отделить друг от друга компоненты самого разного свойства.

Сказанное не означает, что попытки выработать общий взгляд на феномен информационной войны вовсе безнадежны. Такой взгляд необходим, когда речь идет об обществе в условиях информационной войны, о противоречиях, проблемах и перспективах такого общества. Здесь имеет смысл принять во внимание характеристику межгосударственной информационной войны, содержащуюся в предложениях по разработке международных принципов предотвращения информационных войн, внесенных Российской Федерацией в Организацию Объединенных Наций на рубеже тысячелетий. Это определение информационной войны как «противоборства между государствами в информационном пространстве с целью нанесения ущерба информационным системам, процессам и ресурсам, критически важным структурам, подрыва политической и социальной систем другого государства, а также массовой обработки населения и дестабилизации общества» [Документы... 2001: 304]. Такая характеристика предполагает, что информацион-

ная война может вестись и при отсутствии собственно боевых действий, и между формально не воюющими между собой сторонами.

Особое значение в таких условиях приобретает информационно-психологическая война. В упоминавшейся выше работе М. Либицки психологическая война как одна из форм информационной войны между государствами характеризуется, кроме прочего, проведением операций против национальной воли («national will»), а также противоборством культур (автор использует выражение «cultural warfare» и немецкое слово «kulturkampf») [Libicki 1996: 35]. Кстати, и в соответствии с классическими трактовками обычной войны предполагают, что главной задачей применения военной силы является преодоление воли противника [Кокошин 2014]. В современной глобальной информационной войне задачам преодоления национальной воли служит широкое использование все более изощренных манипулятивных технологий, направленных на искажение информационно-ориентировочных основ поведения и понижение психологического потенциала социума.

Общая характеристика информационной войны, применимая к информационным системам в широком смысле слова, предложена Александром Раскиным в статье «Некоторые философские аспекты информационной войны», опубликованной в 2015 г. в журнале «Информационные войны». Информационная война трактуется здесь как совокупность целенаправленных воздействий информационных систем друг на друга [Раскин 2015]. В качестве информационных систем могут рассматриваться люди, организации, общества. В этом смысле технические информационные системы являются лишь частью больших социальных, военных, экономических и т. п. систем. Опираясь на данную характеристику, мы рассматриваем информационную войну как форму противоборства между сложными системами. В ходе такого противоборства каждая из систем предпринимает целенаправленные действия, препятствующие реализации планов противника. При этом каждая из сторон стремится к обеспечению собственной безопасности. Это противоборство сложных систем имеет непростой характер, что проявляется, в частности, в особенностях взаимодействия подсистем. Подсистемы могут представляться то как партнеры, то как противники, то как потенциальные союзники. Это не может не ска-

зываются на сложности в определении системных задач и стратегий.

Мощность экономической, политической и военной систем США позволяет формулировать стратегические цели с использованием таких понятий, как «информационное превосходство» («information superiority») и «доминирование по всему спектру» («full-spectrum dominance»). Доминирование по всему спектру предполагает, что на основе технологических достижений должно быть обеспечено глобальное превосходство США в принятии решений практически в любой области. Информационное преобладание над любым возможным противником, конкурентом или оппонентом определяется как реальная возможность накапливать, обрабатывать и беспрепятственно распространять информацию, затрудняя при этом выполнение подобных функций соперником или используя действия и ресурсы последнего в своих интересах [Joint Vision 2000].

Подобные факторы необходимо учитывать российскому обществу для адекватного осознания своего положения в современном мире в целом и в информационном пространстве в частности. Вряд ли разумно игнорировать и официальные установки принятой в 2015 г. «Стратегии национальной безопасности» США. Здесь заявлено, в частности, что одним из наглядных проявлений мирового лидерства США сегодня является то, что именно эта страна мобилизует и направляет глобальные усилия по противостоянию якобы имеющей место российской агрессии и «наказанию» России («We mobilized and are leading global efforts to impose costs to counter Russian aggression») [National... 2015: 2].

В этих условиях особую актуальность приобретают проблемы осмысления ситуации, когда одна из противоборствующих систем существенно уступает другой по стандартному набору параметров – тех, которые можно оценить количественно. Этот набор включает и долю в мировом производстве, и состояние финансовой сферы, и информационно-технологические возможности, и многое другое. Может ли в таких условиях выстаивать и развиваться система с более низкими показателями? И если да, то за счет чего? Мы полагаем, что на первый план здесь должны быть поставлены качественные свойства системы, не поддающиеся непосредствен-

ным количественным измерениям, прежде всего это свойство, которое может быть названо системным интеллектом или, в применении к обществу, – интеллектом общественным.

Критически значимым становится обеспечение интеллектуального суверенитета системы [Алексеева 2001], предполагающего возможность собственного производства знаний, выработки решений, самостоятельного определения ценностей, приоритетов, целей, создания механизмов достижения этих целей. В последние годы о суверенитете говорится много. Провозглашается курс на политический суверенитет, военно-политический, геополитический и т. д. Однако достижимо ли все это, если управляющие структуры отказываются от интеллектуального суверенитета? И прежде всего в таких определяющих общественный интеллект сферах, как образование и наука? Трудно представить себе удовлетворение потребностей современного общества в информации и знаниях без коммуникации с другими обществами и сотрудничества с разного рода глобальными структурами. Однако не следует забывать, что попытки улучшения системы путем заимствования ценностей, установок и правил из других систем, пусть и превосходящих систему-реципиент по стандартным параметрам, могут на деле вести к деградации последней.

Парадоксальность ситуации в нашей стране состоит в том, что так называемое реформирование научно-образовательной сферы представляет собой реализацию установок организации, деятельность которой определяется интересами той самой системы, которая мыслится как противоборствующая сторона в информационной войне. Речь идет о Всемирном банке, являющемся группой организаций, включающей наряду с другими Международную ассоциацию развития и Международную финансовую корпорацию. В касающихся образования документах Всемирного банка (причем находящихся в открытом доступе!) сформулированы установки, реализацией которых стали и пресловутый ЕГЭ, и измерение так называемой эффективности вузов, и способы оценки работы каждого отдельного преподавателя. Это установки, к которым мы вынуждены так или иначе адаптироваться, как правило, не понимая, откуда они взялись. Представители научно-педагогической общности склонны обвинять чиновников, министров, которые на

деле вовсе не являются творцами таких установок. Это всего лишь исполнители, имеющие, разумеется, собственные амбиции и интересы, оказывающие определенное влияние на конкретные формы и способы осуществления образовательной политики.

Показателен в этом отношении доклад Всемирного банка, опубликованный на английском языке в 2001 г., в русском переводе – в 2003 г. Английский вариант выпущен самим Всемирным банком, а русский – издательством «Весь мир» с разрешения Всемирного банка. Доклад называется «Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы». Главным ориентиром при перестройке образования провозглашается расширение участия страны в мировой экономике, а условием такого участия становится экспансия в сферу образования «глобально-банковских» идеалов и языка «экономикс». Глобальной мобильности рабочей силы соответствует мобильность студентов и преподавателей, стандартизации товаров и услуг – равноценность дипломов (достигаемая в значительной мере за счет операций с числовыми показателями), рыночной конкурентоспособности – конкурентоспособность университетов и ученых, определяемая на основе рейтингов и данных публикационной активности. Такая экспансия, на деле не только не гарантирующая экономических успехов страны, но и создающая дополнительные препятствия для их достижения, становится тем не менее реальностью.

Известно, что Всемирный банк предоставляет кредиты на проведение реформ в развивающихся странах и странах с переходной экономикой, к числу которых относят и Россию. На 19-й странице основного текста доклада Россия упоминается в одном ряду с Бангладеш, Индонезией, странами Африки южнее Сахары и т. д. На 24-й странице Введения мы можем прочесть, что государствам – участникам программ Всемирного банка рекомендуется «разработка механизмов обеспечения качества (оценка, аккредитация, национальные экзамены, рейтинги и публикация информации), норм финансового контроля, обязательного для государственных вузов» [Формирование... 2003: xxiv]. Все это – в целях якобы обеспечения качества, прозрачности, доступности образования. Подобным рекомендациям соответствуют и ЕГЭ, и «Проект 5–100», и рейтингование вузов и преподавателей, и изнурительная отчетность, бес-

смысленная для преподавателя и ученого, и лишены смысла библиометрические гонки.

Банковские идеалы распространяются на сферу образования и науки, создавая серьезные угрозы интеллекту человека и общественному интеллекту. «Стратегия 2020» в разделе, касающемся образования, представляет собой не что иное, как реализацию установок Всемирного банка. Преподаватели рассматриваются как товар, причем товар заведомо некачественный. Статус преподавателя, его миссия в культуре сводится к статусу наемного работника в сфере услуг. Именно такое отношение предусмотрено в матрице Всемирного банка. Читаем на странице 26 Введения упомянутого доклада: «Предполагаемые реформы, которые могут изменить устоявшуюся практику и затронуть групповые интересы, всегда встречают активное сопротивление со стороны тех, чьим интересам будет нанесен наибольший ущерб в результате запланированного перераспределения власти».

Автору этих строк неизвестны условия и объемы кредитов, предоставленных Всемирным банком на модернизацию российского образования. Однако в приложении к докладу на странице 156 можно найти информацию, что в 1997 г. на инновационный проект в области образования Российской Федерации выделен 71 млн долларов. Сумма относительно небольшая, но и информация, которую нам удалось найти, далеко не полная.

Суть, однако, даже не в этом. Суть в том, что мы находимся в матрице Всемирного банка в условиях, когда необходима мобилизация общественного интеллекта, мобилизация научно-образовательной сферы. И не ради борьбы за места в рейтингах, а ради выживания и развития страны.

Литература

Алексеев А. П., Алексеева И. Ю. Информационная война в информационном обществе // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 5–14.

Алексеева И. Ю. Проблема интеллектуального суверенитета в информационном обществе // Информационное общество. 2001. № 2. С. 5–9.

Бедрицкий А. В. Информационная война: концепции и их реализация в США. М. : РИСИ, 2008.

Документы Генеральной ассамблеи ООН по вопросу международной информационной безопасности // Информационные вызовы национальной и международной безопасности / под ред. А. В. Федорова, В. Н. Цыгичко. М.: ПИР-Центр, 2001. С. 273–321.

Кокошин А. А. Взаимодействие политики и военной стратегии: теоретические и прикладные вопросы // Вопросы философии. 2014. № 10. С. 3–13.

Окинавская хартия глобального информационного общества // Федеральный справочник. Связь и массовые коммуникации в Российской Федерации. Т. 6 [Электронный ресурс]. URL: <http://federalbook.ru/projects/svyaz/structura-6.html> (дата обращения: 18.03.2017).

Почепцов Г. Г. Информационные войны. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2000.

Раскин А. В. Некоторые философские аспекты информационной войны // Информационные войны. 2015. № 3(35). С. 18–21.

Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы. Доклад Всемирного банка. М.: Весь мир, 2003.

Joint Vision 2020. America's Military: Preparing for Tomorrow. Washington: United States Department of Defense, 2000.

Libicki M. What is Information Warfare? Tomorrow. Washington: National Defense University etc., 1996.

National Security Strategy. Tomorrow. Washington: The White House, 2015.